

Прочувствовать, как «трудно, но весело» жилось индейским женщинам, можно, надев одно из этих кожаных платьев

Откуда индейцы в донских степях

С головой окунуться в культуру жителей Великих Равнин, не покидая Ростовскую область, возможно в этнолагере «Кочевник»

«Когда настанет Страшный Суд и Бог спросит меня, чему я научилась за всю жизнь, я смело отвечу: «Разжигать огонь в очаге и греть чайничек», – шутит Сова

Ворсон договорился с местным «шерифом» о том, чтобы раскинуть лагерь на берегу Калитвы: «У белых странные законы, лучше позаботиться обо всем заранее»

ПЕРЕДО мной лежит череп медведя. Он здесь в роли алтаря. Ноги упираются в место для костра. Сейчас утро и огонь потушен, но свежее пепелище говорит о том, что ночью пламя горело. И грело. Прямо над местом для костра, если поднять голову наверх, можно увидеть брезентовый «потолок» и кусочек неба в нём. «...Сами индейцы ковать железо не умели. Наконечники для стрел они делали из обручей для бочек или из сковородок, которые покупали у купцов. До сих пор некоторые племена, условно говоря, живут в каменном веке», – доносится до меня размеренный мужской голос и возвращает обратно из мира мыслей о Диком Западе. «Лук изготавливали из маклюры. Для североамериканских индейцев это было ценнейшее дерево. Они даже коней меняли на простые палки этого растения!.. На этом я лучше остановлюсь. Могу про луки рассказывать два дня», – говорит он.

Как позже выяснится, последние слова и весь рассказ об оружии и обычаях индейцев Великих Равнин – намного ценней, чем кажется на первый взгляд. Если учитывать, кто их говорит, и знать, что этот кто-то такой же словоохотливый, как самый настоящий индеец, у которых, как известно, «молчание занимало большую часть беседы». И дело тут не в отсутствии знаний. Более того, после небольшой лекции Ворсона создается впечатление, что его неразговорчивость прямо пропорциональна широте его кругозора. Даже остроумничает и шутит он как-то размерено, обдуманно и с многозначительными паузами.

«Ворсон» – это сокращение от грозного прозвища «Ворующий Сон». Таким именем представился нашей группе этот загорелый (читайте: краснокожий) мужчина с острым взглядом и мускулистыми руками. Двадцать лет назад он, отдав социальные долги, ушёл в горы. «Полностью переход к такому образу жизни я сделал в несколько этапов, – вспоминает Ворсон. – Сначала я провёл год отшельником на Кавказе и возвратился зимовать в Ростов. В городе я окончательно понял, что мне здесь не место, и вернулся жить на Красную Поляну. Позже я решил принести огонь в Ростов и открыл первую в городе школу мастеров фэйр-шоу. Но когда я почувствовал, что передал своим ученикам всё, что мог, я возвратился в свой лагерь. Такая жизнь горного кочевника – это моя склонность».

По сути, для Ворсона неважно, с именем какого народа отождествляют его жизненный уклад: традиции степных людей по всему миру едины и отличаются лишь внешне. В Донских Равнинах или на Великих Равнинах кочевники существовали по одним и тем же законам природы и принципам ведения хозяйства. «Антураж американских индейцев я выбрал, потому что

они интересны и необычны для местных бледнолицых. Мы для них, как цирк-шапито, — говорит Ворсон. — На примере индейцев можно увидеть другое направление развития цивилизации — альтернативное современному обществу. К тому же, закат этой культуры намного ближе к нам во временном отрезке, и потому более легок к восприятию, чем история древних обитателей донских степей — скифов или сарматов».

В этом году Ворсон обосновался недалеко от хутора Погорелов, на берегу реки Калитва. «Мой лагерь всегда располагался в красивых местах. Не исключение и этот раз, — говорит он. — Красивая, спокойная река, нетронутые целинные степи. Это всё окрестности Белой Калитвы. Для наибольшего «вживания» в состояние кочевого мышления мы решили не останавливаться надолго в одном месте. Таких мест, что сразу западают в душу, здесь немало: невозможно выбрать однозначно самое красивое. К тому же, когда живёшь вольным индейцем, измерять ареал своего обитания можно десятками километров».

Ворсон нелюдит, но отсутствие в наших степях бизонов привело его к идее приглашать в «Кочевник» — так он зовёт свой лагерь — белых людей и знакомить их с культурой краснокожих. «Приходится добывать себе еду в другом эквиваленте», — признается он, и, кажется, ему это даже нравится. «Самое приятное — это когда садится человек в каноэ и говорит: ох, с детства мечтал поплавать в таком! Или угощаешь его картошкой, а он: эх, мне 25 лет и я никогда не ел картошки из костра, — делится Ворсон. — Люди благодарят за исполнение желаний, за возможность заниматься порой забытыми с детства делами: порыбачить с удочкой, посмотреть на пламя костра, походить босиком... Слова благодарности именно за возвращение к себе звучат особенно искренне. И они стоят тысячи притворных фраз, проносимых каждый день!»

Описать место, где расположено сейчас пристанище Ворсона, словами «красивое», «бесподобное» и даже «живописное» — это значит не сказать о нём ничего. В тёплом воздухе, наполненном ароматами разнотравья, звонко стрекочут насекомые, вокруг бесконечные холмы, на которых найти тень можно разве что спрятавшись под облаками... Неужели мы действительно находимся всего в двухстах километрах от Ростова? Разве мы не на съёмочной площадке фильма о Диком Западе? Ворсон смотрелся бы в кадре не хуже Гойко Митича.

Увидеть этнолагерь «Кочевник» сразу непросто: он как бы спрятан в низине у реки. Видимо, когда-то эта территория была заполнена водами Калит-

С Сапой поиграли, в гамаке отдохнули

вы, которая со временем стала мельче, и то, что было берегами, превратилось в небольшие холмики по обе её стороны.

Площадь лагеря невелика, но достаточна для дома на колесах, беседки и четырёх «типи» (традиционное переносное жилище равнинных кочевых индейцев. — Прим. автора). Удивительно, как гармонично последние вписались в пейзаж донских прерий. И ещё более странно то, как надёжно они выглядят, если учесть, что традиционно эти брезентовые шатры четыре метра высотой устанавливают индейские женщины. Их местная представительница очень похожа на диснеевскую Покахонтас. Теперь она зовёт себя «Вера Сова». А раньше, около трёх лет назад, была просто Верой, которая из города Суздаль уехала в Москву и работала там в музее имени Н.К. Рериха. «Философия этого учреждения, его картины и изучение жизни в целом дали мне понимание того, что я не своим делом занимаюсь, — рассказывает русская Покахонтас. — Реконструируя по заданию музея майянские ритуаль-

По перу, которое человек выбирает для своего «ловца», можно сказать, каков его владелец

рада, что «бытовуха» у меня именно такая».

Теперь, если в их с Ворсоном индейскую деревушку приезжают гости, Сова обязательно угощает их традиционной индейской кашей из кукурузной крупы, проводит для них мастер-класс по изготовлению «ловцов снов» и делится секретами рукоделия. А когда в лагере не остается никого, кроме пары и их «чёрного» (на языке индейцев — «сапа») друга в облике темношерстного щенка, маленькая семья наслаждается тихой жизнью вдали от городской суеты.

Нашей группе Сова тоже показала, как сделать настоящий индейский амулет, который раньше использовался североамериканскими шаманами и как защита от кошмаров, и даже как медицинский препарат. «Ловец снов — это своего рода пенталгин, — шутит Ворсон. — Если веришь — он помогает; а если и без него спишь хорошо, лучше хранить его подальше, чтобы он не утратил своей магии». Для рукоделия Сова провела нас в другое типи. В нём уже не

том, как «докатилась до суровой такой жизни». Она засмеялась сначала, а потом говорит: неправильно люди думают, что они с Ворсоном аскеты. «Я таких строгостей сама не понимаю, — делится девушка. — Мы живем в фургончике на колесах. Все гаджеты у нас там есть: компьютер, iPad, мобильные телефоны. Да, у нас нет последних моделей, но это не значит, что мы отказываемся от всех технических удовольствий». Единственное, чего не хватает, признается Сова, — это профессионального фотоаппарата. «Тут ведь потрясающие виды, невозможно оторвать взгляд, — восхищенно говорит она. — Например, утром, часов в пять, встаёшь, готовишь себе завтрак, и наблюдаешь, как птицы на речке собираются, плавают, лягушек ловят. Но так как нет фотоаппарата, остаётся просто наслаждаться и впитывать это в себя, занося отдельные эскизы в блокнот».

Когда Сова не рисует, не рукодельничает и не готовит еду для Ворсона, она идёт в степь и собирает травы. С нами она тоже поделилась, как правильно выбирать растения, а главное — из каких точно получится вкусный чай или даже компот (для этого к чабрецу надо добавить ягоды шиповника и апельсин). Оказалось, далеко ходить не надо. В двух шагах от лагеря можно найти, как писал Сергей Аксаков, и «приземистый рассыпчатый ковыль, и сизый горный шалфей, и белую низенькую полынь, и чабер, и богородскую траву». Все они наполняют воздух особым благоуханием. «Мне нравится травки собирать, — говорит Сова, а под ногами её шуршат ключевые степные кустарники. — Думать головой не нужно: только чувствовать сердцем и доверять рукам. Сбор трав женщиной похож на магический ритуал. Ты приносишь в дом это душистое сокровище, сыпешь на стол плоды своих трудов, и комната наполняется густым ароматом ромашки и пьянящим запахом чабреца. А когда все травы приведены в порядок и «по-бабки-ёшкински» связаны в пучки, ты — довольный — несёшь всё это в сушильную (без понятия, как она точно называется, но мы называем её «чабречная», а иногда и «чабуречная»). День прошёл не зря, потому что я точно знаю, что зимой все эти впитавшие в себя силу солнца и ветра дары степи будут лечить наши промозглые от городской суеты тельца».

Моей благодарности Сове нет предела: в руках огромный букет из пахучих шалфея и чабреца, — и я уже мечтаю о том, как из высушенных этих трав заварю себе такой же вкусный напиток, каким нас днём угощала хозяйка маленькой индейской деревни на берегу реки Калитва.

Анна ГЕТМАНОВА
Фото Марии Ольховой

Если в их с Ворсоном индейскую деревушку приезжают гости, Сова обязательно угощает их традиционной индейской кашей из кукурузной крупы

ные ножи, я стала читать много книг об индейцах и через них перенеслась в Северную Америку, увлеклась тотемизмом. Я начала плести «ловцы снов» и создала свою группу рукоделия в «ВКонтакте». Там меня нашёл Ворсон и привёз в ростовские степи. Так, всё, что было моей мечтой, стало моей жизнью. Я поняла, что моё дело — поиск сил природы в самом её лоне. Знаете, как теперь заканчивается каждый мой вечер? Во всеобщей темноте я смотрю на огонь, который греет мне чай. Я очень

было никаких черепов, зато всё было завешено украшениями из бисера и индейскими одеждами. В центре горел «творческий огонь» из бусин, перьев и лоскутков кожи. «Мы будем делать магический ловец снов. У него есть чёткие признаки, — начала свой ворк-шоп Сова. — Например, круг обязательно должен быть разделен на восемь частей, только тогда он будет действенным. Красивая обертка, сложные переплетения, которые можно увидеть в магазинах с индейскими вещами, — это всё не так важно. Главное, что в основе каждого амулета лежит круг, символ единения, нерушимости, солярный знак...» Сколько часов прошло, прежде чем мы вышли из типи, каждый со своим оберегом, можно было сказать только по солнцу. Никто не следил за временем, усердно выплетая свою ловушку для сновидений, тщательно выбирая бусинки с перьями и наслаждаясь рассказами Совы о том, как «трудно, но весело» приходилось индейским женщинам. Солнце было в зените.

Позже во время небольшого перекуса «по-кочевнически» — орешками и малиной — мы попросили Сову поведать нам о